

Эмилия Маньянини

‘Я’ и ‘Мы’ в дневнике Веры Аксаковой (на фоне личного женского письма XIX века)

The ‘I’ and the ‘We’ in Vera Aksakova’s Diary (against the Backdrop of Nineteenth Century Women’s Letter Writing)

The diary composed by Vera Aksakova – the daughter of the writer Sergey Aksakov and the sister of the Slavophiles Konstantin and Ivan Aksakov – in the years 1854-1855 is here analyzed as a problematic case of autobiographical writing, since the expression of the self is conditioned both by the ‘choral’ vision of the world typical of Slavophilism, and by the peculiar relationships between the Aksakov family’s members. Against the backdrop of the Crimean War and of other cultural and literary events, the personality of Vera Aksakova reveals itself with great difficulty, torn between the reassuring ‘we’ and the ‘I’ that fights against the denial of the self.

В трудные годы Крымской войны Вера Аксакова решила вести дневник, который был опубликован только много лет спустя¹, хотя во второй половине XIX века было много попыток издать его, но они натолкнулись на препятствия цензурного характера (Пи-

рожкова 2013б: 272-273). В эпоху, когда он наконец увидел свет, не только события той поры, но и духовные, идейные темы ее воспринимались уже как очень далекие, поэтому, может быть, дневник Веры Аксаковой не часто привлекал внимание исследователей. В известной работе о женской автобиографической прозе дневник упоминается только в сноске, как продукт особой социокультурной ситуации (Савкина 2007: 23). Вообще его считают “ценным источником по истории славянофильства” (Молчанова 2004: 3) или “памятником” жизни выдающейся русской семьи, “иллюстрацией своеобразного духовного и внешнего уклада жизни” (Голицын; Щеголев 1913: III).

¹ Впервые дневник был опубликован, с сокращениями, в журнале «Минувшие годы» (1908, 8, 12), а затем в полном виде (Аксакова 1913). Это издание, почти без изменений переиздавалось в 2004 и 2009 годах (Аксакова 2004; Аксакова 2009). Совсем недавно Т. Ф. Пирожкова переиздала дневника по автографу и исправила многочисленные неточности и ошибки, восстановила пропуски прежних публикаций (Аксакова 2013; Пирожкова 2013а). В настоящей работе дневник цитируется по изданию 2013 года, с указанием в тексте, в скобках, дат записей и страниц.

Однако надо отметить, что первые редакторы дневника уделяют большое внимание личности автора, упоминают о смелости ее высказываний об эпохе Николая I и утверждают, что ее «дневник позволяет вписать новую страницу в историю русской женщины» (Там же, IV). Наибольшее внимание личности Веры Аксаковой уделили Е. Анненкова (Анненкова 1998), которая кроме дневника, проанализировала ее переписку с двоюродной сестрой, Марией Карташевской, и Т. Пирожкова, которая в своей содержательной работе, восстанавливает культурный и исторический контекст, в котором был написан дневник (Пирожкова 2013а). Наше внимание привлекают, в первую очередь, вопросы, связанные с самовыражением авторского «Я» в этом несомненно интересном автодокументе.

Как известно, Вера посвятила почти всю свою жизнь семье, в которой она играла очень важную роль, так как выполняла не только функции, свойственные по представлениям того времени женщине (как уход за больными отцом и сестрами), но и принимала активное участие в литературной, философской и общественной деятельности семьи,

главным образом, отца и старшего брата. Племянница Ольга, дочь брата Григория, вспоминает, что, будучи вторым ребенком в семье, после Константина Аксакова, Вера получила воспитание, сходное тому, что получили братья, и что из всех детей только Константин и Вера выделялись родителями. Их упоминали поименно, и только к их именам добавляли положительные эпитеты, тогда, как все остальные дети «составляли только семью»².

Отношения, существовавшие между членами аксаковской семьи, прямо не касаются темы настоящей работы, но в связи с некоторыми вопросами, связанными с определенными местами дневника и с личностью Веры, необходимо будет, хотя бы мимоходом, затрагивать их. На один из этих вопросов намекает в своих воспоминаниях сама Ольга Григорьевна Аксакова. Имеется ввиду исключительная спаянность аксаковской семьи – единодушие, согласие и взаимопонимание ее членов были, может быть, одной из главных целей жизни Сергея Тимофеевича Аксакова. Но это было также причиной некоторой

² Воспоминания Ольги Григорьевны Аксаковой цитируются по: Аксакова 1913: IV-V.

несамостоятельности каждого из детей, даже в самых простых жизненных ситуациях (Анненкова 1998: 24-25).

О самой Вере племянница пишет, что она была незаурядным человеком: “богато одаренная натура”, “умница”, “была образована, прекрасно рисовала карандашом и писала масляными красками. Она была не чужда экзальтации, сильно увлекалась и чувствовала большую склонность к мистицизму и философии” (Аксакова 1913: IV-V), и заключает свои воспоминания, заявляя: “она была ребенком с детьми, веселая девушка со своими подругами, понимающий брат (курсив мой – Э.М.) – для братьев, отзывчивый друг для всех и каждого” (Там же). Однако, несмотря на все эти незаурядные качества, Вера не сумела устроить свою личную жизнь.

Аксакова начала свой дневник в июне 1854 г., но сразу же оставила, чтобы снова заняться им с 14 ноября того же года; записи прекратила 15-го ноября 1855 г., т. е. вела его чуть больше года, хотя с несколькими перерывами, иногда довольно длинными. Эти перерывы чаще всего не мотивируются Аксаковой, которая, в отличие от традиции русских женщин, писавших дневники в

XIX веке, не включает в свой журнал “элементы метадискурса, авторской рефлексии о самом дневнике, его целях и задачах, о процессе его ведения” (Вьолле/Гречаная 2006б: 86). И, в самом деле, она не объясняет ни побудившие ее к ведению дневника причины, ни свое намерение прекратить его: дневник просто оставлен. Поэтому, чтобы понять значение этого автобиографического документа нужно иметь ввиду три обстоятельства. Во-первых, как уже говорилось, это была переломная, трагическая эпоха в русской истории и в славянофильском мышлении, и разумеется, что события этого периода составляют главное содержание дневника. Во-вторых, немаловажное значение имеет то обстоятельство, что в тот год почти вся семья Аксаковых жила в Абрамцеве и одновременно находилась как бы в центре событий (в идейном отношении) и в то же время далеко от этого центра (реально). И в-третьих, но не в последних, надо учитывать, что впервые в своей жизни Вера Аксакова принимается за ведение дневника в возрасте тридцати пяти лет.

Автобиографическая проза Веры Аксаковой не ограничивается этим дневником. Ее

личные автобиографические записки включают, кроме интересующего нас текста, краткую запись о последних днях жизни Гоголя, сделанную через год после смерти писателя (Аксакова 2004: 200-205), а также заметки, относящиеся к 1860 году, когда она, с матерью и сестрой Любовью, провозила брата Константина на лечение на остров Занте (Аксакова 2013: 247-271). Хотя записи датированы как в дневнике, этот текст является скорее воспоминаниями, так как видно, что многие записи были сделаны позже, после смерти брата³. Этот небогатый материал не исчерпывает, однако, автобиографическое письмо Веры Аксаковой.

Все члены аксаковской семьи считали письма очень важным способом самовыражения и состояли в переписке между собой, с родственниками, с друзьями, с представителями литературного и философского мира, с общественными деятелями. Не случайно, Вера начинает большинство своих повседневных записей с перечисления полученных в тот день писем и изложения их

содержания. Только часть писем Аксаковых была опубликована, как, например, письма Ивана Аксакова (Аксаков 1988; Аксаков 1994, а также Аксаков 1888-1896), но большая же часть всего этого эпистолярного материала еще лежит в архивах. Что касается Веры, то особенно важной для понимания ее мира и ее личности оказывается ее многолетняя переписка с Марией Карташевской. В письмах к ней Вера Аксакова не только рассказывает о своей повседневной жизни, но и делится с кузиной своими мыслями, чаяниями и размышлениями по большей части духовного и религиозного характера, т. е. эти письма выполняют для нее функцию интимного дневника. И она вполне осознает это.

В 1854-ом году, кроме как Крымской войной, в семье все были заняты собиранием материалов о Гоголе, и в связи с этим Вера просит Марию Карташевскую вернуть ей письма прежних лет. Для нас очень интересно, как она откликается на получение этих писем, что произошло фактически одновременно с намерением вести дневник:

Письма свои я начала перечитывать и с любопытством прослежу нашу

³ Рукопись текста утрачена, а сам текст был причиной осложнения отношений между занимавшимися наследием Аксаковых родственниками (см. Пирожкова 2013а: 283-292).

прежнюю жизнь; они так подробны, что могут почти назваться дневником. Многие я даже читаю вслух, так как в них передаются довольно подробно современные интересы нашего кружка и всей московской жизни. Но мне забавно даже видеть теперь то участие, которое я принимала тогда во всем этом. Конечно, будучи, так сказать, в самой середине этого движения, я не могла не принимать участия. Но через какие душевные страдания перешли мы в то же самое время, а еще многое даже и не вошло в переписку. [...] *Дневник, конечно, уже тем и любопытен, что передает современную жизнь той минуты, которую потом воспоминание не может вполне возобновить; потом уже многие подробности утрачиваются в памяти, так что с трудом потом верится, что это в самом деле так было. Во многих отношениях я очень жалею, что не вела своего дневника, особенно о Гоголе, теперь это было бы драгоценным. Но никогда не*

имела особенного желания к тому, мне как-то казалось это движение неискренним...⁴.

Из этого можно заключить, что Вера Аксакова рассматривает дневник, прежде всего, как свидетельство “современной жизни”, и что она как будто не верит интимному письму как форме самоанализа, которое ей кажется даже “неискренним”. Для нее это принципиально важно именно в то время, когда она собирается вести свой первый и единственный дневник. И, на первый взгляд, ее дневник кажется идет против течения, по сравнению с дневниковыми формами, утвердившимися с конца XVIII-начала XIX века под влиянием сентиментализма и романтизма. Его главными характеристиками являются: незначительное внимание к своему ‘Я’, отсутствие самоанализа, а вместо этого – исключительное внимание к событиям общего значения, подчеркнутая принадлежность к одному общему кругу. Сама структура дневника подтверждает это, как можно видеть хотя бы из следующих двух примеров: первая и

⁴ ИРЛИ, ф. 173, 10621, л. 3-4 об., цит. в кн. Анненкова 1998: 187-188. Курсив мой – Э. М.

последняя запись выглядят скорее как перечень, как резюме событий, чем как дневниковые записи; в дневнике автор оставила многочисленные пробелы с намерением включить в текст документы разного рода (как, например, письмо Ермолова, отрывки из статей Погодина, Гизо или иностранных журналов и т.д.) – пробелы, которые так и остались незаполненными.

Первая загадка дневника касается, следовательно, причин, побудивших Веру Аксакову предпринять такое необычное для нее дело. Несомненно существенное влияние должно было иметь “сознание величия и трагизма совершавшихся тогда событий” (Пирожкова 2013а: 32). Однако, структура дневника и то обстоятельство, что чаще всего Вера говорит не от себя, а от имени общего субъекта наводят на мысль, что, может быть, не сама Вера задумала вести дневник именно в тот роковой год. Ее дневник может показаться ‘дневником по заказу’, правда, не очень похожим на дневники, которые Лежен описал в своей работе о дневниках французских девушек (Лежен 2006: 13-29), хотя две их особенности, отмеченных Леженом, можно отнести и к записям Веры: французские девушки писали

свои журналы по настоянию родителей, воспитательниц или духовных руководителей и должны были “любой ценой изгонять из дневника свое ‘я’, то ненавистное и коварное ‘я’, что дает знать о себе даже под видом самого сурового самоуничтожения” (Лежен 2006: 22). Конечно, ситуация молодой интеллигентной женщины славянофильского круга мало походит на положение юных французских девушек, но сходство сказывается в том, что Вера Аксакова, не имевшая, как мы уже видели, привычки вести дневник, не считает нужным даже упомянуть о причинах, побудивших ее начать свои записки, как будто эти причины находятся где-то далеко от нее, как будто она пишет дневник ‘по заказу’. А то, что в дневнике она так часто скрывает свое собственное ‘Я’, представляет собой загадочной чертой этого автодокумента.

Однако, и другие обстоятельства имеют, как нам кажется, значение. Аксакова начинает свои записи почти через год после начала войны и прекращает их за несколько месяцев до ее окончания, что мало объясняет намерение быть свидетелем эпохи. Другие даты, наоборот, важны здесь: дневник начинается, когда вся

семья собирается переселиться в Абрамцево, и кончается с ее возвращением в Москву. Как увидим позже, можно предположить, что именно жизнь в деревне, далеко от второй столицы, и невозможность участвовать в важнейших событиях эпохи, пробуждают в ней некоторое чувство уединения, которое могло бы склонить ее к ведению дневника. Итак, сознание быть свидетельницей великих событий, чувство долга перед единомышленниками (заказ) и личные побуждения – это все моменты, которые одинаково присутствуют в дневнике и которые проливают особый свет на личность Веры Аксаковой.

В современной критике обсуждается вопрос о специфичности жанра ее дневника. Е. И. Анненкова считает, что это – хроника текущих событий:

Вера Аксакова по-своему продолжит семейную хронику отца, вернее, создаст иной ее вариант. Ее дневник – менее всего констатация и анализ личных переживаний, это именно хроника жизни семьи и подробная, пристрастно написанная хроника сложного переходного истори-

ческого периода (Анненкова 1998: 256).

Противоположного мнения придерживается Т. Ф. Пирожкова:

Однако это все-таки не хроника происходящего, в дневнике мы не найдем каких-либо подробностей, которые могут совершенно неожиданно осветить те или иные факты, познакомить с обстоятельствами, неизвестными современниками [...] (Пирожкова 2013а: 33).

На самом деле, значительное место в дневнике уделяется мировоззрению автора, размышлениям о происходящем, анализу состояния духа, даже исповеди, а внимание к духовным вопросам, конечно, несколько противоречит определению дневника как хроники. Но, с другой стороны, весь этот духовный мир описывается как принадлежащий не личному 'Я' автора, а общему субъекту, некоему 'Мы', в которое входят: семья, самые близкие друзья, единомышленники, славянский мир и Россия, или, по крайней мере, часть ее. Этот 'Мы' как-то противоречит такой индивиду-

альной, личной форме письма, как дневник, больше подходит к другим видам документальных текстов (воспоминания, хроника).

Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, представляется целесообразным коротко остановиться на содержании дневника, а, затем, попытаться установить, выделяется ли, на фоне этого содержания, личность автора и, если да, то каким образом.

В дневнике Вера Аксакова останавливается, прежде всего, на следующих темах: Крымская война и разочарование перед неосуществлением чаяний возрождения духа и истории, которые этой войне приписывали славянофилы; смерть Николая I и надежды на нового царя, частично несбывшиеся; литературная жизнь страны, в центре которой все еще находится Николай Гоголь, и дело собирания его наследия. Повседневной жизни уделяется не очень большое внимание, хотя из дневника все-таки можно получить представление о жизни в Абрамцеве.

Она следит с болезненным, судорожным вниманием за трагическими событиями последнего года Крымской войны, поэтому интерес представляет не столько информа-

ция о военных действиях или о дипломатических переговорах, так как тексту не хватает 'объективности', и не только из-за недостатка информации о происходящих событиях (см. об этом: Пирожкова 2013а: 33), сколько значение, приданное автором войне, и изменения ее воззрений за этот несчастный год.

На страницах дневника война представлена как миссия России по освобождению от турецкого (и от австрийского) ига православных народов, прежде всего славян. Для нее это священная война, поэтому ее негодование вызывают переговоры о мире, особенно вопрос о неприемлемом для нее так называемом 'четвертом пункте', т.е. требование от России отказаться от любой формы покровительства православным народам. Среди причин, приведших к ухудшению военного положения, к сдаче Севастополя и к огромным человеческим потерям, автор ставит на первое место германскую ориентацию правительства, и прежде всего Николая I, который окружает себя сотрудниками немецкого происхождения, как, например, министр иностранных дел Нессельроде, являющийся для нее 'настоящим виновником' поражения России.

Немаловажное значение имеют 'ненависть' европейских стран, прежде всего Англии и Франции, к России (их политика по отношению к 'славянскому вопросу' вызывает в Вере очень сильное ощущение осады и преследования), а также внутреннее и внешнее предательство, т.е. предательство правительства, изменяющего чувствам народа, бесчестное поведение высокопоставленных лиц и 'неблагодарность' Австрии, которая, хотя и была спасена Россией в 1848 г., вступила в союз с ее врагами.

В связи со всеми этими вопросами автор нередко рассуждает о народе, об отношениях между правительством, интеллигенцией и народом:

[Мы] с каждым новым деспотическим незаконным поступком, оскорблением всего народа и т. д., мы теряем силу и способность негодовать [...] Может быть, конечно, это бессилие происходит от того, как справедливо думают, что мы оторваны от народа, что до народа и не доходят причины нашего негодования, он не знает и не принимает участия в действиях

нашего правительства
(28 ноября 1854, 96-97).

Правда, представление о народе на страницах дневника Веры Аксаковой – несколько отвлеченное. Автор часто с умилением приводит мнение или описывает поведение того или другого крестьянина или купца, но от этого создается впечатление, что она смотрит как бы со стороны на что-то очень от себя далекое. В авторском голосе не звучат подлинно народные мысли и переживания, какие, например, можно найти даже в дневнике такой аристократки, как Анна Оленина, которая, когда выражает свои опасения девушки на выданье перед возможной замужней жизнью, почти буквально прибегает к мотивам народных песен на эту тему: отчаяние от ухода из родительского дома, тревога перед смутным будущим (Оленина 1999: 60).

Единственное народное представление, хотя и восходящее к религиозной традиции времен татарского ига, которое можно уловить в дневнике, – это толкование поражений, как Божьего наказания за грехи и побуждение к нравствен-

ному возрождению⁵. Эта тема, присутствующая уже на первых страницах дневника, становится ведущей в его последней части, где автор комментирует Севастопольский разгром:

Конечно без воли Божьей все это зло не было бы допущено, если не вызывали его наши безмерные вопиющие грехи, за которые мы теперь должны принять должную казнь для того, чтоб очиститься и возродиться. О Боже, дай нам силы выйти из этого огненного искушения, дай нам силы покаяться и очиститься! (9 октября 1855, 231-232).

Мысли о войне, к которым приходит Аксакова, имеют явный нравственный характер, иногда даже эсхатологический. Часто встречаются такие выражения как “Что и когда будет, никто не может знать. Да совершатся святые судьбы Божии над нами” (12 января 1855, 115) или “мы на краю пропасти” (18 апреля 1855, 188).

⁵ Что доказывают такие тексты древнерусской литературы, как например *Повесть о битве на Калке*, *Слово о погибели Русской земли*, *Повесть о разорении Рязани Батыем*.

Они без сомнения основываются на славянофильском понимании отношений между Россией и Западом, между ориентированным на Запад дворянством и народом. Согласно Аксаковой, печальное положение, в котором находится Россия это вина некоторых злоумышленных высокопоставленных лиц и из него страна может выйти только в результате всеобщего раскаяния. Она никак не учитывает объективные политические и военные причины состояния страны. С этой точки зрения, гораздо более трезво рассуждает, например, Анна Тютчева, дочь поэта, также не принадлежащая к западной партии. Вот, что она пишет в своем дневнике 24 сентября 1854 года, т.-е. в дни осады Севастополя:

Вот 30 лет как Россия играет в солдатики, проводит время в военных упражнениях и в парадах, забавляется смотрами, восхищается маневрами. А в минуту опасности она оказывается захваченной врасплох и беззащитной. В головах этих генералов, столь элегантных на парадах, не оказалось ни военных познаний, ни способно-

сти к соображению. Солдаты, несмотря на свою храбрость и самоотверженность, не могут защищаться за неимением оружия и часто за неимением пищи [...]

Говорили себе, что, если существующий строй несколько тягостен и удушлив дома, он по крайней мере обеспечивает за нами во внешних отношениях и по отношению к Европе престиж могущества и бесспорного политического и военного превосходства. Достаточно было дуновения событий, чтобы рушилась вся эта иллюзорная постройка (Тютчева 1999: 72).

Здесь, однако, скрывается более сложная проблема, которая, кроме общественной ситуации, затрагивает и личные отношения внутри аксаковской семьи. Более подробно на этих отношениях мы остановимся позже, а сейчас лишь заметим, что в дни осады Севастополя как будто произошло какое-то нарушение равновесия в семье, несмотря на то, что это годы “наивысшего духовного единства семьи” (Анненкова 1998: 242). Среди всех братьев и сестер, как из-

вестно, Вера была ближе всего к Константину, почти обожала его и полностью разделяла его видение мира, его взгляды на русский народ, на значение православной веры для народа, на русскую историю и русскую культуру. В годы войны в дневнике она иногда прямо выступает как проводник его идей. Мысль о ненависти Запада к России и само представление о войне, как о священной войне, принадлежат брату, который писал об этом в статье *Россия и Запад* (1854 г.) и в частных письмах (Анненкова 1998: 250). Однако, Вера, которая опасается, что Россия уже слишком глубоко проникнута злом и для нее уже не может быть возрождения, иногда отличается от брата:

Константин думает, что свободное слово в состоянии было бы искоренить зло; нет, мне кажется, теперь это недостаточно: только совершенный внутренний переворот, полная перемена всей системы может вызвать новую жизнь, но во всяком случае и теперь, и после свободное слово необходимо (9 октября 1855, 232).

Возможно Вера настаивает на необходимости для всей страны раскаяния и искупления, потому что для нее “религиозное чувство неотделимо от гражданственного” (Анненкова 1998: 260), и потому, что ей “по причине ее душевной уязвимости, постоянной внутренней тревоги, труднее, чем Константину было скрыться за твердую броню идейных воззрений” (там же, 261). В связи с этим Анненкова предполагает возможное влияние брата Ивана на убеждения Веры.

Как увидим далее, отношения Ивана с семьей, и особенно с Константином, были далеко не идиллическими, и именно годы войны оказались одним из критических моментов. Родители, братья и сестры не одобрили решение Ивана принять непосредственное участие в войне и вступить в ополчение. Анненкова замечает не вполне понятное противоречие в отношении семьи Аксаковых к войне: “При убежденности, что война необходима, что она воодушевляет и объединяет все русское общество, [...] возобладали нежелание стать непосредственными участниками, утратить (хотя бы эмоционально) позицию общего обзора” (там же). Иван Аксаков видел всю ситуацию другими

глазами, в его письме домой можно найти слова, которые могли служить прямым укором брату:

Вступать в ополчение не значит согласиться на разыгрываемую комедию, а значит изъяснить готовность участвовать в опасностях, угрожающих России, – вот главное и существенное: может быть, тебе опасность не кажется еще столь близкой, может быть, ты видишь в этой опасности само правительство, может быть, ты не сочувствуешь политике правительства... Покуда ты так рассуждаешь, враг нагрянул на Россию и разорил ее пограничные области [...] Что касается меня, то, кроме других побуждений, я вступаю по требованию совести, о чем я и не говорю никому, потому что совестно это говорить, да и не все расположены этому верить. Уже более года мне совестно читать газеты, толковать о значении эпохи, желать войны – и не участвовать в жертвах, необходимых при исполнении этого желания, не участвовать,

хоть страдательно, пассивно, в качестве рабочего темного и безвестного, если не в качестве деятеля. Разумеется, очень естественно желать при этом участия, более согласного с наклонностями, более деятельного, но если этого нет, так надобно понести тяготу со всеми (Аксаков 1994: 343-344).

Но в семье это считали попыткой со стороны Ивана оправдать себя. Вера стоит на стороне отца и Константина⁶ и, в дневнике очень ясно объясняет позицию семьи:

Никто из порядочных людей не хотел идти в Моск(овское) ополчение. [...] Во-первых, воззвание было сделано так двусмысленно с надеждами на мир, при таких унижительных уступках; во-вторых, самому ополчению старались придать самый казенный характер, боясь оставить за ним всякое живое народное значение; не назвали его земским

⁶ Об отношении к войне не только семьи Аксаковых, но и вообще московского дворянства см. Пирожкова 2013а: 39-41.

войском, как прежде, а государственным ополчением, не призывали на ополчение, а повелевалось составить такое-то; дружины назвать не по городам, а по нумерам, не стоять вместе, а разделить их по войскам. Одушевление было убито, и это пародирование всего этого устройства, по видимому, свободно-го, показалось каким-то ругательством (10 апреля 1855, 181-182).

Вторая тема, которой уделяется много места в дневнике, касается первых шагов правления Александра II. Если сразу после смерти Николая I Вера Аксакова, как многие, питает надежду на нравственное и политическое обновление, то вскоре ее суждения становятся более неоднозначными. С одной стороны, она выражает свое глубокое разочарование в том, что новый царь колеблется принять решительные меры для победы в войне, не ставит открыто вопрос об отмене крепостного права и проявляет некоторую слабость характера, не удалив сразу от себя самих гнусных деятелей из окружения своего отца. С другой стороны, она следит с напряженным вниманием и

даже с радостью за первыми робкими либеральными мерами, такими, например, как ослабление цензуры, которая была очень строга по отношению к славянофилам и, в особенности, к ее близким. Вообще, Вера Аксакова умеет прекрасно выражать настроение неопределенности и растерянности, присущее ей самой и многим близким ей лицам, которое возникает из-за противоречивых указаний, исходящих от власти: “Неизвестность, недоумение, постоянное напряженное ожидание, недостаток доверия к своему правительству – вот в каком состоянии находятся все умы” (29 марта 1855, 172).

Через несколько дней она опять возвращается к этой теме. В записи, где отражаются разные позиции – мнение отца, который считает, что нельзя доверять надеждам, возникающим в начале каждого царствования, потому что вскоре “все пойдёт по старому”; точка зрения Константина, который уверен, что правительство не может отказаться от священной миссии; убеждения некоторых славянофилов в невозможности союза с правительством, – Вера горько заключает:

Великие события, со-

вершающиеся перед нашими глазами, подавляют, уничтожают все человеческие соображения, и там, где люди думают, что они начинают распутывать их, там они, напротив, усложняются всё более и более, так что невольно в недоумении и в сознании своей ничтожности останавливается человек перед высшей волею, всё невидимо и непонятно для нас управляющей свыше!.. (31 марта 1855, 174).

В дневнике Вера Аксакова, конечно, уделяет очень большое внимание литературной и культурной жизни, в частности, своим отношениям с ее многочисленными представителями, которые в то время часто бывали у Аксаковых в Абрамцеве: среди них те, кто пытался сохранить живую память о Гоголе, как, например, его племянник Н. П. Трушковский, который собирался опубликовать переписку писателя, или П. А. Кулиш, в те годы работающий над биографией Гоголя и, поэтому, часто бывавший у Аксаковых, чтобы ознакомиться с находящимися у них материалами о писателе. Часто она упоминает и близких к славянофилам ученых,

таких, как А. Ф. Гильфердинг, а среди славянофилов самых близких ей – А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина и М. П. Погодина. Среди противников выделяется Иван Тургенев, который был в Абрамцеве в конце января 1855 г. и к которому Вера, как увидим позже, относится с явной неприязнью (в записи от 25 января она пишет, что во время первого, предыдущего посещения Тургеновым Сергея Аксакова, в Москве, она даже “не выходила из своей комнаты, не имела особенного интереса его видеть”, 120).

На страницах дневника, где автор рассказывает о своих встречах с представителями русской культуры, ее письмо становится более личным, оно выдает ее личные отношения. Поэтому, именно здесь можно попытаться решить вопрос о том, проявляет ли Вера Аксакова в дневнике свое ‘Я’, и, если да, то как.

Если чаще всего “голос Веры звучит в общем ‘хоре’” славянофильского мира (Анненкова 1998: 260), для нас особенно интересны те случаи, когда голос Веры выбивается из ‘хора’.

Простой статистический подсчет демонстрирует, что самое частотное местоимение в дневнике – это ‘мы’, которое

используется примерно в трехсотпятидесяти действиях или ситуациях тогда как местоимение ‘я’ фигурирует гораздо реже, приблизительно сто раз, и появляется оно обычно в точно определенных местах дневника. Это обстоятельство является довольно необычным для жанра дневника.

Употребление местоимения ‘мы’ у Аксаковой неоднозначное. Оно может иметь широкое значение и указывать на Россию, на народ, на интеллигенцию (приблизительно в одной трети случаев), или иметь более узкое значение, и указывать на семейный круг или на круг единомышленников. Чаще всего оно применяется, естественно, когда автор описывает общие занятия семьи, такие, как вечерние чтения, когда собиралась вся семья, встречи с гостями или празднование семейных и религиозных дат.

Много интересного можно почерпнуть из того, как Вера описывает отношения между членами семьи и свое собственное отношение к ним. Она вполне осознает особенность своей семьи и старается представить ее как единое целое под признанным руководством отца и матери. Но и в этой почти идиллической

картине, все-таки, что-то не так:

... большею частью люди, самые жаркие поклонники нашей семьи, или ее идеализируют до неестественности и даже до смешного, или доводят до такой крайности и до уродливости строгость нашего нравственного взгляда, или превозносят до такой степени наше общее образование, ученость даже, что или другие могут счесть нас за педантов или, по крайней мере, таких исключительных людей, к которым простой, не слишком образованный человек и подойти не может. Словом сказать, делают из нашей простой жизни (которая слагается сама собою и часто из необходимости обстоятельств) что-то натянутое, неестественное, смешное и даже уродливое. Неужели так трудно понять простоту нашей жизни. Право, это даже часто неприятно; мы живем так потому, что нам так живется, потому что иначе мы не можем жить, у нас нет ничего

заранее придуманного, никакого плана заранее рассчитанного, мы не рисуемся сами перед собой в нашей жизни, которая полна истинных, действительных страданий, лишений всякого рода и многих душевных невидимых огорчений [курсив мой – Э. М.]. Мы все смотрим на жизнь не мечтательно: жизнь для всех нас имеет строгое, важное значение, всем она является, как трудный подвиг, в котором человек не может обойтись без помощи Бога (21 декабря 1854, 106-107).

“Действительные страдания” и “душевные огорчения” имеют, конечно, и конкретную основу: преждевременная смерть брата Михаила, тяжелая болезнь сестры Ольги, материальные трудности. Но в дневнике обнаруживаются такие подробности, которые заставляют сомневаться в идиллии аксаковской семьи.

Согласно вышеупомянутым воспоминаниям племянницы Ольги, не все дети были равными в семье, дочери признавались не вполне полноценными личностями. Сама Вера, может быть, бессознательно, подчинялась такому обычаю,

потому что в дневнике она больше выделяет фигуры братьев, рассказывая не только о том, что они делают, но и об их мыслях и убеждениях, между тем как сестры упоминаются почти только в конкретных случаях повседневной жизни (единственное исключение – внимание к увлечению Надежды украинскими песнями). Хотя Вера, согласно разным свидетельствам, занимала особенное место в семье, нельзя исключить, что она сама как женщина в глубине своей души, немного страдала от этой неполноценности.

Кроме этого, Аксакова не совсем искренна, когда говорит о едином мировоззрении в семье. Мы уже говорили о разногласиях между Иваном и семьей во время войны. Может быть, именно на эти разногласия она намекает, когда на первых страницах дневника выражает свои опасения при известии о скором приезде в Абрамцево Ивана: "... какое-то будет свидание. Дай Бог, чтоб по крайней мере обошлось без волнений и наша семейная мирная жизнь не была бы нарушена" (16 ноября 1854, 87). Дальше становится ясно, что особенно напряженные отношения существуют между Константином и Иваном Аксаковыми. Это очень беспоко-

ит Веру, которая спустя пару дней записывает в дневнике:

Константин с Иваном постоянно разговаривают. Константин так добр, что, кажется, все забыл; но как бы из этого не вышло вредного недоразумения, которое кончится всё-таки неприятностями. Их разговоры касаются более общих вопросов, особенно, разумеется, настоящего положения дел в России (19 ноября 1854, там же).

Итак, видно, что Вера очень страдает от этой ситуации, а также, что она всем сердцем на стороне старшего брата, который "так добр", что "все забыл". Поскольку братья мирно обсуждают положение страны, и, имея ввиду, что только в начале следующего года Иван уведомит семью о своих намерениях принять активное участие в войне, можно предположить, что причиной спора между братьями, так волнующего сестру, не должна быть война, а скорее всего "всегдашние споры", из-за которых "между Иваном, с одной стороны, и Константином и Верой, с другой, пролегла полоса отчуждения"

(Пирожкова 2013а: 23). Вера в дневнике не говорит прямо из-за чего поссорились Константин и Иван в этом конкретном случае, но очень показательны следующие строки:

[Иван] нам рассказывал об Малороссии. – Много интересного, умных замечаний, но между тем часто что за поверхностный взгляд, что за неосновательные суждения, я даже это ему сказала. *Надобно, однако, быть осторожней, чтоб не запутаться в прениях, лучше прималчивать, а то как раз скажешь что-нибудь лишнее, натолкнешься на такой предмет, о котором должно молчать, невольно выйдут намеки* (19 ноября 1854, 90 [Курсив мой, Э. М.]).

Здесь Вера как раз намекает на то, что составляло действительную причину разногласия в семье. Отношения между Иваном и семьёй издавна были довольно сложными: не только отец и братья, но и все славянофилы, не ценили тот факт, что молодой Иван Аксаков не довольствовался их отвлеченными философскими и

историческими теориями, а занимался слишком практическими, для них вообще бесполезными, делами (Анненкова 1998: 220-226; Пирожкова 2013а: 22-23). А Иван, наоборот, очень гордился тем, что, исполняя обязанности чиновника, он изучает и познает современную Россию, и тем, что – единственный в своей семье – зарабатывает себе на жизнь⁷. Поэтому, наверно, он с трудом принимал скрытые и явные замечания родных и иногда резко реагировал на них, чаще всего едко критикуя обожаемого в доме старшего брата Константина. Вот что он писал в 1844 г., за десять лет до интересующего нас времени:

Я благодарен ревизии не только за узнавание службы, но за опытность, ибо, переворачивая народ со всех сторон, во всех его нуждах,

⁷ “Мой труд – тяжелый труд. Он тяжел уже потому, что несвойственен моей природе [...] Но я благодарен этому труду уже потому, что он дал мне возможность, без отягощения другим, заплатить долг 500 рублей серебром, извездить пять губерний, пожить в Малороссии, куда я всегда стремился, узнать и увидеть многое. Если статистические труды, способствующие более или менее самознанию, полезны, то и мой труд должен быть небесполезен” (Аксаков 1994: 327).

узнаю его настоящие потребности лучше. И всем порицающим современное можно смело сказать, что они не могут быть организаторами будущего общества, ибо не коснулись знанием всей этой хитросплетенности народных нужд и потребностей, размножившихся до бесконечности, и механизм государственного управления вообще, не только теперешний, для них не может быть понятен, ибо они его не видят обнажаемый так, как мы. Я сам не защитник современного, но чувствую, как ошибаются эти господа относительно знания настоящего положения и развития народа [...] Константину следовало бы путешествовать по России настоящим образом, а не проездом (Аксаков 1988: 54).

А еще резче он выразился в другом письме того же года:

Вместо того чтоб жечь волосы об огонь церковных свеч и стучаться головой о паникадилы, прикладываясь ко всем возможным образам, я,

мужчина, не терял бы времени, и если уже так соболезнаю я народным бедствиям, то объездил бы нашу Россию, узнал бы действительные народы нужды и потребности (там же, 19).

Несомненно, что в этом семейном споре, Вера фактически всегда стоит на стороне брата Константина, с которым ее связывает сильное душевное родство. Поэтому, на наш взгляд, местоимение 'мы' в дневнике употребляется, как уже говорилось, когда автор говорит о семейной жизни, о России, или высказывает мнения славянофилов, но чаще всего оно подразумевает ту особенную спаянность, почти отождествление, ее с братом. В конечном итоге, 'мы' – это Вера и Константин. Все это, безусловно, представляет собой очень интересный случай для изучения автобиографического письма, так как в отличие от большинства дневников, в которых 'другой', или 'другие', реальные или воображаемые, выступают как 'адресат/собеседник', как, например, в *Дневнике для отдохновения* Анны Керн, (Керн 2010: 113-239), или как воображаемый 'антагонист/судья', как в вышеупомянутом днев-

нике Анны Олениной, в дневнике Веры Аксаковой рядом с голосом автора как будто звучит второй голос – голос предполагаемого соавтора.

При рассмотрении такого автодокументального женского текста, как дневник Веры Аксаковой вопрос об “адресованности” может быть и не самый актуальный. Более интересно следить за тем, как автор ‘разыгрывает’ свое женское ‘Я’ “в качестве субъекта процесса письма и как объекта (само)описания, автоперсонажа, той Я-модели, которая структурируется в тексте” (Савкина 2007: 98) и еще “из какой роли” она пишет: “представляет она себя членом определенного социума, культурного круга” (там же).

Из всего, что до сих пор сказано о содержании дневника, кажется совершенно бесспорным, что Аксакова видит себя “членом определенного социума, культурного круга”. Гораздо сложнее определить, как она выступает “в качестве субъекта процесса письма” и, прежде всего, как она изображает свое женское ‘Я’. Здесь, конечно, поможет анализ тех редких случаев, когда она употребляет местоимение ‘я’.

Само собой разумеется, что местоимение ‘я’ употребляется, когда автор рассказывает о

сугубо личных ситуациях: например, когда она сообщает, что была на обеде, или что ей нездоровилось (об этом, между прочим, упоминается только один раз во всем дневнике). Но видно, что Вера не любит привлекать к себе внимание. В дневнике она рассказывает только об одном ‘приключении’, в котором играет роль главного героя: о несчастном случае с каретой, когда она упала в ров. Во всем остальном она как будто хочет поддержать мнение посторонних о ней как о девушке, проживающей всю свою жизнь внутри своей семьи, уделяющей большую часть своего времени деятельности старшего брата и отца, играющей роль гостеприимной хозяйки в знаменитом литературном кружке, от которой зависит вся сложная организация приема частых посетителей Абрамцева, наконец, ухаживающей за больной сестрой Ольгой и за ослепшим отцом. На свое положение незамужней девушки она также не намекает и, вообще, вопрос о выходе замуж молодых девушек она затрагивает в дневнике только два раза. С иронией рассказывает об ухаживании Гильфердинга за сестрой Любой:

Внимание исключительное Гильфердинга к Любиньке, начавшееся с первой минуты свиданья, нас очень забавляло, тем более, что Любинька принимала это внимание очень сурово и даже иногда чуть не грубо (25 января 1855, 124).

И с глубоким сожалением она пишет о печальной судьбе двоюродных сестер Марии и Нины Самбурских, которых отец-тиран заставляет жить одинокой жизнью (13 октября 1855, 234-235). А вопрос о выходе из семьи молодого поколения Аксаковых непростой: достаточно вспомнить, что из десяти детей, если исключить безвременно скончавшегося Михаила, только двое – Григорий и Мария – вступили в брак при жизни отца (Иван женился только после его смерти). Остальные шестеро, включая Веру, не захотели или не имели смелости выйти из семейного гнезда. В 1857-м году, после свадьбы сестры Марии, в письме к любимой кузине Маше Карташевской, Вера описывает это событие чуть ли не как печальный момент в жизнь семьи. Хотя она и признает прекрасные качества зятя, но подчеркивает не радость по поводу новой жизни

сестры, а скорбь от ее ухода из семьи (см. Анненкова 1998: 199). Может быть, как предполагает Пирожкова, это зависит от отношения ее матери к женской судьбе: “Легче удалиться от света и забот и жить в монастыре, нежели нести тяжелую ношу жизни семейной”⁸. Свою личную жизнь Вера скрывает как в дневнике, так и в письмах, но в 1855-ом году, когда у Карташевской появился возможный жених и та не была уверена, идеальный ли он муж для нее, Вера принимается давать ей ‘советы’, по которым видно, что она думает о себе, о своей судьбе, возможной или которая могла бы быть:

когда уже не ищешь в жизни особенных сочувствий, отрекаешься от требования удовлетворения личных своих душевных потребностей (разумеется, без уступки своих душевных нравственных убеждений), тогда можно идти на это

⁸ ОР РГБ. Ф. 3 (ГАИС/III) Карт. III. Ед. хр. 22б. Л. 40, цит. в кн. Пирожкова 2013а: 29. Так писала Ольга Семеновна Аксакова в мае 1844 года, а три месяца спустя уточняла: “не желаю замужества дочерям, нет, и желать невозможно – разумеется, отвращать их от того не стану, если б, к удивлению, нашлся жених” (там же).

и быть по-своему счастливой, спокойной, можно даже любить, если только можно уважать человека⁹.

Но в дневнике нет ни одного слово о личном. Черты личности Веры Аксаковой здесь являются совсем другим образом. Во-первых, хотя автор никогда открыто не говорит о своем душевном мире, не пользуется дневником для 'исповеди' или 'самоанализа', высокопарность ее речи, когда она передает свое толкование действительности, свидетельствует о несомненно страстном и пылком темпераменте. Во-вторых, на страницах дневника, вопреки ее склонности скрывать себя за успокаивающим 'Мы', 'Я' Веры Аксаковой явно обнаруживается. Ее личность и ее идеал человеческого совершенства чаще всего проявляются, негативным образом, в резких суждениях о посторонних людях, с которыми ей приходится общаться и которые не принадлежат к ее узкому кругу. Очень показателен случай с Тургеневым, чье посещение Абрамцева в январе 1855 г., как

мы уже видели, не обрадовало Веру. Вот что она пишет о нем:

Тургенев мне решительно не понравился, сделал на меня неприятное впечатление. Я с вниманием всматривалась в него и прислушивалась к его словам, и вот что могу сказать. Это человек, кроме того что не имеющий понятия ни о какой вере, кроме того что проводил всю жизнь безнравственно и которого понятия загрязнились от такой жизни, это – человек, способный только испытывать физические ощущения, все его впечатления пройдут через нервы, духовной стороны предмета он не в состоянии ни понять, ни почувствовать. – Духовной, я не говорю в смысле веры, но человек, даже не верующий, или магометанин, способен оторваться на время от земных и материальных впечатлений, иной в области мысли, другой под впечатлением изящной красоты в искусстве. Но у Тургенева мысль есть плод его чисто земных ощущений (25 января 1855, 120-121).

⁹ ИРЛИ, ф. 173, 10622, л. 225-225об., цит. в кн. Анненкова 1998: 194.

Я уже не говорю о его ошибочных мыслях и безнравственных взглядах, о его гастрономических вкусах в жизни, как справедливо Константин назвал его отношение к жизни, а я говорю только о тех внутренних свойствах души его, о запасе, лежащем на дне всего его внутреннего существа, приобретенном, конечно, такой искаженной и безобразной жизнью и направлением, но сделавшемся уже его второй природой. (там же, 121).

Интересно также, что она противопоставляет приятную, но для нее “противную”, наружность Тургенева с некрасивостью отца Гильфердинга¹⁰ – “Он, конечно, крайне некрасив лицом, но это безобразие вовсе не противно” (там же, 120) – и безнравственность писателя с нравственными качествами Хомякова:

человек по преимуществу исключительно духовный, не в смысле

¹⁰ В те же самые дни, когда в Абрамцево приехал Тургенев вместе со Щепкиным, гостили у Аксаковых Алексей Хомяков и Александр Гильфердинг с отцом.

только его возвышенной, разумной, истинной веры, согретой самым искренним душевным убеждением, не только в смысле его строгой нравственности, но по свойству его натуры, трезвый во всех своих впечатлениях. Необыкновенный человек! (там же, 121-122).

Для нас здесь не столько важны отношения Аксаковой с Тургеневым, сколько тот факт, что на шести страницах дневника, посвященных этому визиту Тургенева в Абрамцево, она употребляет большую часть тех немногочисленных местоимений ‘я’, которые разбросаны по всему дневнику. ‘Я’ появляется каждый раз, когда Вера Аксакова отрицательно отзывалась о ком-нибудь. Говорит ли она о слабости характера Трушковского:

Трушковский – добрый, неглупый человек, но жалко видеть это бессилие внутреннее, которым столько страдают молодых людей в наше время. [...] Мы все говорим ему откровенно наше мнение и делаем ему замечания насчет его характера и т.

д. Он принимает хорошо все эти нравоучения, хотя я уверена, что они ему не совсем приятны (29 декабря 1854, 108-109).

о своем презрении к Кулишу:

Странный человек этот Кулиш, что за путаница у него в голове разнородных понятий, а в душе разнородных стремлений. Мне кажется это плод смешения страстного малороссийского характера с влиянием польской жизни и, главное, Жан-Жака Руссо, про которого он сам сказал, что это был его лучший друг в заточении. Он даже огорчился, что мы напали на безнравственность Руссо, и попробовал его защищать (21 декабря 1854, 104).

Признаюсь, не раз и даже постоянно производит он на меня неприятное впечатление, что-то именно внутри его есть для меня отталкивающее.

Я нахожу, что он поступил неделикатно с Трушковским (12 марта

1855, 166)¹¹.

о несостоятельности Дмитриева-Мамонова:

Он не только ленив, но внутри его не слышно ничего твердого, прочного, дельного. – Если б только нужно было возбудить его деятельность, этого еще бы можно было достичь как-нибудь, но в нем нет внутренней духовной крепости, которую вряд ли возможно внушить кому-нибудь, и потом мне кажется, он способен возмечтать слишком, сейчас задает себе такие задачи, которых выполнить ни в каком случае не может, и бросает все. – Что за люди! – (12 января 1855, 114-115).

ее 'Я' властно прорывается наружу, хотя нередко она как будто считает нужным подтвердить свои суждения мнением старшего брата, как, например, насчет Тургенева или Гилярова:

Константин сказал Ги-

¹¹ Это сказано по поводу одного спора между Кулишом и племянником Гоголя об уместности отдельного печатания писем писателя к матери.

лярову откровенно и добродушно, что он, т. е. Гиляров, слишком постоянно занят самим, т. е. беспрестанно с самим собой возится, в себя самого погружен, что это ему мешает обращать внимание на других (19 апреля 1855, 192).

Думается, что процесс самопознания своего 'Я' происходит у нее путем отказа от чужих отрицательных моделей. Как видно из всех приведенных примеров, она осуждает в других грубый материализм или недостаток духовности, слабость характера, ленивость или неделовитое отношение к жизни, недостаточное или нулевое внимание к ближним, потому что считает себя или, по крайней мере, старается быть духовным, дельным, внимательным человеком. Все эти качества она приписывает и всем лицам, которых одобряет (ее положительные модели). Их много в дневнике, но надо сказать, что это прежде всего люди славянофильского круга, между тем как принадлежать к противоположному лагерю или просто иметь несколько другие взгляды – это для нее уже достаточный повод для нравственного приговора самому человеку, как

видно из примеров с Тургеневым и Кулишом. Беспристрастности ей недостает, но от дневника остается впечатление, что она не осознает этого, или просто считает нужным страстно защищать свои убеждения.

До сих пор нами рассматривались самые частые в дневнике случаи, когда Вера Аксакова сопоставляет себя с мужчинами. Но чтобы восстановить способы самопознания автора, необходимо обратить внимание и на те случаи, имеющие важное значение, в которых она высказывается о знакомых или известных ей женщинах. Здесь надо предварительно заметить, что она очень отрицательно относится к постановке 'женского вопроса', который становился актуальным в те годы. В дневнике она кратко пересказывает "важный и сильный" разговор между Константином Аксаковым и Катериной Черкасской, которая, хотя и принадлежала к славянофильскому кругу, по видимому выразила сомнения насчет того, что женщине нужен "руководитель", а Константин – опять Константин – "услыхал и узнал в этом то безнравственное начало, которое давно уже нас возмущает" (16 января 1855, 119). А для самой Веры это безнравствен-

ное начало происходит из Руссо и воплощается в таких лицах как Жорж Санд¹², чье действие она считает ‘пагубным’ (21 декабря 1855, 104).

Что касается конкретных лиц женского пола, можно заметить, что она очень редко дает положительные оценки женщинам. Если исключить привязанность к матери, положительно она отзывается только о своей тете Анне Степановне Аксаковой (которая мыслит “рассудительнее” мужа своего) (12 января 1855, 115) и об императрице Марии Александровне, которой уважает ум, серьезность, скромность, простоту и которую противопоставляет, часто колко, императрице Александре Федоровне. Самое ядовитое суждение она произносит в адрес Александры Смирновой-Россет, чья вина состояла в

¹² О французской писательнице Аксакова высказалась еще решительнее в свои письма к Карташевской: “Не смотря на всю чистоту и благородную простоту, которой старается она покрыть свое ученье, проглядывает что-то такое неприятное, ложное и нечистое, что иногда отвратительно бывает видеть это лицемерство и видеть, как во зло употребляет она слова самые святые, чтоб оправдать свои ложные мнения. [...] Зато русское наше направление служит ему сильным противоречием, и между нами здесь идет борьба беспрестанная” (цит. в кн. Анненкова 1998: 180/181).

том, что она вдруг порвала свои долгие дружественные отношения с Иваном Аксаковым, по мнению Веры, из боязни:

Придворные люди всегда придворные, и связь их с двором так тесна, что их собственные взгляды и убеждения (незаметно, может быть, для них самых) изменяются, расширяются и суживаются, смотря по тому, какой ветер дует на дворцовом флюгере (9 января 1855, 114).

Может быть, эта резкость связана с высоким общественным положением Смирновой, так как Аксакова вообще не стесняется отзываться очень желчно о высокопоставленных лицах, хотя о самой Смирновой на других страницах дневника автор говорит совсем в другом тоне. А когда пишет о писательнице Ольге Н. (Софье Энгельгардт), сразу прорывается ее пылкий темперамент:

Потом нарочно для развлечения принялись дочитывать дрянную повесть Ольги Н. – дрянь по исполнению и отвратительная дрянь по той

безнравственной среде, к которой она принадлежит, задача которой вся состоит в смешении всех понятий о добре и зле, в затемнении совести, и всех мерзостях (20 февраля 1855, 140-141).

Не лучше обстоят дела и с простыми женщинами, о которых упоминается в дневнике. Так например, жену доктора Брызгалова она описывает как женщину умную и образованную, как заботливую мать, но “с слишком твердым характером” (29 декабря 1854, 109), а про жену Гилярова пишет, что она “женщина причудливая и, должно быть, несносного характера” (26 января 1855, 127). Заметим также, что вынося свои суждения о женщинах, она выражается чаще всего безличными предложениями и не прибегает к местоимению ‘Я’.

Из всех эти примеров можно заключить, что идеальный облик женщины, для нее, связан с нравственной и духовной жизнью, что женщина должна быть скромной и покорной. В конечном итоге Вера как будто безоговорочно принимает роль, предоставляемую женщине в мужском обществе, или, согласно “русскому направлению”, если выра-

жаться ее словами, в русской традиции.

Но это не совсем так. Хотя она старается заглушить свой личный голос, можно найти еще несколько ситуаций, где он, хотя и скрытый за кем-нибудь – общим ‘мы’, сестер, брата, – звучит самостоятельно: это случается когда она рассказывает, на основании услышанного от брата Константина, о праздновании столетия Московского университета (16 января 1855, 116-119)¹³ или когда сожалеет о том, что в такое беспокойное время вынуждена жить в деревне, а не в Москве, в центре всех событий и дискуссий. Она сразу, при известии о кончине Николая I, реагирует на возможные перемены:

Как жаль, что мы не в Москве; конечно, интереснее времени не может быть в городе следить ежеминутно за возрастающими или изменяющимися событиями, делить с другими все впечатления, живешь общею жизнью, а здесь, получивши такое известие, мы нескоро узнаем

¹³ Когда Аксаковы жили в Москве Вера ходила слушать лекции в университете, и наверно чувствовала себя немножко студенткой.

его подробности, не увидим и не разделим общего впечатления; не услышим любопытных и умных толков, только толкуем между собой, делаем разные предположения, перевертываем со всех сторон слова, занесенные к нам из общей жизни, и все-таки ничего не узнаем нового. Грустно и больно, что особенно сестры лишены этого интереса. – Да и Константин не может оставаться спокойным и столько, сколько ему надобно бы было [быть] в Москве. А если бы мы были все там, он мог бы принимать ежеминутно участие и даже иметь влияние на других (20 февраля 1855, 140).

Из каждого слова этих строк видно, что, это сама Вера рвется в Москву, чтобы принять непосредственное участие в жизни. Пылкий темперамент Веры не всегда может подавить ее 'Я', и в ее огорчении по поводу уединения обнаруживается неосознанный

отказ от роли, навязанной ей в семье, или которую она сама себе назначила. Не случайно и то обстоятельство, что записи в дневнике прекращаются в ноябре 1855 года, сразу после переезда в Москву.

В заключение можно сказать, что семейное и идеологическое давление, связанное с общинным славянофильским мировоззрением, побуждают Веру Аксакову к рациональному самоотожествлению с успокаивающим 'Мы', хотя по многим признакам видно, как она тяжело переживает эту ситуацию. Кроме того, особенное душевное родство со старшим братом, а также решительность, с которой она относится к интересующим ее сторонам жизни, приводят ее к самоотожествлению скорее с мужской, чем с женской, моделью личности. Показательны в этом смысле заключительные слова портрета, созданного племянницей Ольгой, которая пишет о ней, что она 'брат', – а не "сестра", – для своих братьев.

Библиография

Аксаков 1988: И. Аксаков, *Письма к родным. 1844-1849*, Наука, М., 1988.

Аксаков 1994: И. Аксаков, *Письма к родным. 1849-1856*, Наука, М., 1994.

Аксаков 1888-1896: *Иван Сергеевич Аксаков в его письмах*, тт. I-IV, Тип. Вольчанинова, М., 1888-1896.

Аксакова 1913: В. Аксакова, *Дневник. 1854-1855*, Огни, Спб., 1913.

Аксакова 2004: В. Аксакова, *Дневник. 1854-1855*, Москва, Астрель, 2004.

Аксакова 2009: В. Аксакова, *Дневник. 1854-1855*, Государственная публичная историческая библиотека России, М., 2009.

Аксакова 2013: В. Аксакова, *Дневники. Письма*, Издательство "Пушкинский дом", Спб., 2013.

Анненкова 1998: Е. Анненкова, *Аксаковы*, Наука, Спб., 1998.

Вьолле; Гречаная 2006а: К. Вьолле и Е. Гречаной (под ред.), *Автобиографическая практика в России и во Франции*, ИМЛИ РАН, М., 2006.

Вьолле; Гречаная 2006б: К. Вьолле и Е. Гречаная, *Дневник в России в конце XVIII – первой половине XIX в. как автобиографическая практика* // Вьолле; Гречаная 2006а, с. 57-ш.

Голицын; Щеголев 1913: Н. Голицын, П. Щеголев, *Предисловие* // Аксакова 1913, с. III-VII.

Керн 2010: А. Керн, *Чудное мгновенье*, Алгоритм, М., 2010.

Лежен Ф., *"Я" молодых девушек* // Вьолле; Гречаная 2006а, с. 13-29.

Молчанова 2004: А. Молчанова, *Предисловие* // Аксакова 2004.

Оленина 1999: А. Оленина, *Дневник*, Академический проект, Спб., 1999.

Пирожкова 2013а: Т. Ф. Пирожкова, *"Жизнь как трудный подвиг" (В. С. Аксакова, ее дневники и письма)* // Аксакова 2013, с. 5-80.

Пирожкова 2013б: Т. Ф. Пирожкова, *История издания дневников В. С. Аксаковой* // Аксакова 2013, с. 272-292.

Савкина 2007: И. Савкина, *Разговоры с зеркалом и зазеркальем*, Новое литературное обозрение, М., 2007.

Тютчева 1999: А. Тютчева, *При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора*, Мысль, М., 1999.